

В СВЯЗКЕ

КЛЭР КАСТИЙОН

В СВЯЗКЕ

КЛЭР
КАСТИЙОН

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

Claire Castillon

LES
LONGUEURS

Gallimard

Клэр Кастиён

В СВЯЗКЕ

*Перевод с французского
Нины Хотинской*

Москва

Самокат

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44
К28

Серия «Недетские книжки»

Дизайн серии и обложка Ляли Булановой

Кастийон, Клэр.

К28 В связке : роман / Клэр Кастийон ; пер. с фр. Нины Хотинской. — М. : Самокат, 2024. — 192 с. — (Недетские книжки). — ISBN 978-5-00167-563-1.

Алисе восемь, и после того как ПУ — папа ушел, — она живет вдвоем с мамой. Киновечера, ужины на ковре, разговоры по душам — только Алиса и мама. Их идиллию позволено нарушать лишь маминому лучшему другу Жоржу, или Монджо. После ухода папы Алисе не хватало как раз такого доброго, заботливого и понимающего взрослого рядом. В клубе по скалолазанию Монджо ведет Алису к победам и наградам. Возит ее на соревнования и ставит в пример другим ученикам. А еще он учит ее делать друг другу мурашки...

Алисе пятнадцать, и каждый раз, когда она ложится спать и закрывает глаза, на нее валятся синие спортивные маты, а рядом слышится слабый зов о помощи. Алиса хранит большой секрет, о котором никому нельзя рассказывать. Алиса расщепляется надвое и смотрит на происходящее со стороны. И ничего не может сделать.

Пронзительный роман французской писательницы Клэр Кастийон «В связке» звучит как тихий крик о помощи и дает голос детям, которых вовремя не услышали. Эта книга обращает внимание на проблему сексуализированного насилия над детьми, помогает начать разговор о пережитом тяжелом опыте и получить поддержку и помощь.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)6-44

© Claire Castillon, Les Longueurs © Gallimard Jeunesse, 2022; Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates
© Н. Хотинская, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2024

ISBN 978-5-00167-563-1

Содержание

1.....	7
2.....	10
3.....	14
4.....	20
5.....	24
6.....	28
7.....	33
8.....	39
9.....	47
10.....	54
11.....	60
12.....	65
13.....	72
14.....	77
15.....	82
16.....	88
17.....	94
18.....	102
19.....	108
20.....	114

21	121
22	128
23	133
24	140
25	148
26	154
27	162
28	168
29	174
Послесловие	182

1

Туча. Взвешенные в атмосфере продукты конденсации водяного пара, видимые на небе с поверхности земли.

— Ты ходишь чернее тучи, — говорит мне мама. — Тебя не поймешь, Лили. Куда ты убегаешь? Что-то случилось, скажи мне? Тебя обидели? Я могу тебе помочь? Подвезти тебя в коллеж?

Чернее черного. Сверхчерная. Живопись. Сулаж*.
Урок изобразительного искусства мадам Пейна

* Пьер Сулаж (1919–2022) — французский художник-абстракционист, один из ведущих представителей ташизма, знаменитый своими картинами, выполненными черным цветом. Сулаж придумал для своей манеры термин «сверхчерный» (outrenoir) — за пределами черного, чернее черного. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

в аудитории 2В. Сосредоточься, Лили. Не на уроке, но сосредоточься. Придумай что-нибудь. Всегда есть выход.

Мамы знают, ну, догадываются. На уровне интуиции. Догадываются. Вот и моя знает, что с ее дочкой что-то не так. Наверно, думает, что это из-за ПУ, это у нас означает «папа ушел». Да нет, ладно бы ПУ. Эта тема закрыта.

Мне пятнадцать. Сегодня утром мама предложила поехать на выходные к морю, подышать воздухом. И про собаку заговорила, может, например, нам собачку, не очень большую, конечно, и ласковую, собачку для двух бедных одиноких женщин, пошутила она, а потом взяла и выдала, что наш с ней тет-а-тет ненадолго, скоро все изменится.

У меня болят локти, лодыжки, запястья, коленки, челюсти, шея и поясница. Когда я стою, ничего не сгибая, то чувствую, как начинают болеть какие-то неизвестные мне суставы.

— Ты неважно выглядишь, моя Лили, — продолжила мама, — ты уверена, что не хочешь сходить в парикмахерскую? И потом, обратила бы ты внимание на ногти, ты ведь девушка, моя Лили,

попробуй еще раз горький лак. Подростковый возраст — странная штука, ты же чувствуешь, правда? Это он тебя беспокоит? Я понимаю... Все нормально. Если хочешь, я заеду за тобой после уроков, пройдемся по магазинам. Тебе нужны новые вещи. Тебе не надоели твои комбинезоны, а, Лили? Летом еще ладно, но зимой... Не хочешь что-нибудь другое, более женственное? Эмили недавно была в таких красивых брюках с высокой талией, хочешь, купим тебе такие же? Спроси, где она их купила.

Чернее черного. Все из-за освещения, объясняет мадам Пейна, ведь у Сулажа фактуры, игра фактур, свет, рефлекс. Золотистость. Тень. Я не в состоянии конспектировать, половину пропускаю мимо ушей.

— Хочу сказать тебе еще кое-что, — добавила мама сегодня утром, усадив меня рядом и протянув бутерброд. — Монджо, наверно, будет жить с нами... Ты в итоге оказалась права. Помнишь, когда тебе исполнилось восемь и мы праздновали твой день рождения в Диснейленде? Помнишь, что ты тогда спросила? Ну так вот, моя Лили, мы с Монджо... Лили?

Чернее черного, и на поверхности фактур не возникает никакого света.

2

В самом начале мне семь. Мама улыбается. Даже когда его еще нет. Придет Жорж, и она улыбается. Когда его еще нет. Вот так. Такие дела. Улыбка. Молчание. Звонок. Ей даже не надо говорить, что это он. Я и так знаю. Улыбка. Я его слышу. Молчание. Звонок. Я его вижу. Смех. А потом — веселье двух товарищей, как выразилась сама мама, когда на мой восьмой день рождения, который мы праздновали с Жоржем в Диснейленде, в «Доме с привидениями», я спросила их, влюблены ли они друг в друга или, может, когда-нибудь влюбятся. И подумала, что жаль, когда мама засмеялась и объяснила, что они скорее как брат и сестра. На всю жизнь. Тогда я была бы рада такому отчиму, как Жорж. Веселый, добрый, терпеливый. И главное, мама с ним такая беззаботная, будто

папа никуда не уходил. Так что я, как и она, зову его Монджо.

Когда папа ушел, мама подцепила парня, который начинал каждую фразу со слов «если бы дочь была в эти выходные не у тебя, мы могли бы...». Но мама у меня строгая. В выходные я у нее, и это не обсуждается. Вообще-то я у нее каждые выходные, потому что папа теперь не где-нибудь, а в А-МЕ-РИ-КЕ. Когда он сказал, куда уезжает, у него звезды в глазах сверкали. «Титаник», «Конкорд», д'Абовилль, переплывший Атлантику на веслах, — все это написано на бейсболке «Беркли», которую он теперь не снимает. Папа осуществил свою мечту. Он уезжает за океан. Он кайфует. В день отъезда он подарил мне будильник, на котором установлено его американское время, «чтобы мы все время были вместе». Восемь утра в Париже — я иду в школу, два ночи в Атланте — папа спит. Он должен был купить мне билет, чтобы я прилетела летом, но расходов и так оказалось слишком много. С тех пор он сам время от времени приезжает во Францию. Мы встречаемся в кафе, пьем сок, и иногда он говорит официанту *thank you*, потому что стал американцем. Сам же над этим посмеивается, а я смотрю на его часы, время на которых

установлено как на моем будильнике, даже когда он во Франции. Час прошел, и он предлагает мне забрать палочку-мешалочку. Я их собирала, когда была маленькая. Он мне присылает американские. Я храню их в обувной коробке, которую подписала «ПАПИНЫ МЕШАЛКИ». Когда я наберу сто, он вернется.

Мама было очень одиноко, когда папа ушел. Плакать она не может, во всяком случае при мне. Мы вместе делаем тш-ш, это наше с ней время, когда мы сидим крепко обнявшись. Мы надеемся, что войдет папа и сядет на свое место, но не говорим этого. Мама прекращает тш-ш вовремя, чтобы не дать вырваться словам, ведь она не разрешает поддаваться хандре. Чтобы разрядить обстановку, она обычно объявляет киновечер или ужин на ковре. Моя обязанность — выбрать и расстелить на полу скатерть, и мы устраиваем пикник. За едой играем в «Уно» или в «Доббль. Гарри Поттер». Или еще в вопросы. Какое у тебя самое любимое воспоминание, моя Лили? А какая у тебя твоя самая сумасшедшая мечта, мама? А ты когда-нибудь врала, мама? Если бы ты могла превратиться в животное, кем бы хотела стать — птичкой или рыбкой, Лили?

Да, мама скучает по папе, но я — дело другое. У меня есть моя злость. И потом, вдвоем нам с мамой спокойно, и, главное, папа теперь не почесывает за ужином горло, как он делал под конец его жизни здесь, когда ему звонила Кейт и он брал трубку и разговаривал с ней как с пациенткой, а потом вставал из-за стола и уходил в другую комнату, чтобы потрепаться подальше от наших ушей и свалить, видите ли, на «срочный вызов». А папа вообще-то дерматолог. То есть просто держит маму за дуру. «Не разменивай сердце на мелочь, — недавно посоветовала она мне. — Храни его для кого-нибудь такого же хорошего, как ты». А потом она захотела узнать, почему я не иду на вечеринку к Эмили. Я сделала тш-ш. Я уважала ее молчание, когда она отказывалась говорить о папином уходе, и она тоже уважает мое, когда я отказываюсь говорить о своих «не хочу». «Ну а все-таки?» — пытается она, правда пару раз, но я могила. «А Октав будет?» — спрашивает она. Да, нет, может быть. А-МЕ-РИ-КА: это означает странное чувство отчужденности. С Октавом все кончено. Да и не начиналось никогда. Но я делаю тш-ш.